

УДК 1+316.72

*С. А. Подгорнов,
курсант 1-го курса факультета милиции
Могилевского института МВД
Научный руководитель: В. Л. Рожковский,
старший преподаватель
кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД,
кандидат философских наук, доцент*

НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ: ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ О МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Строки Ф. Тютчева «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!» в полной мере относятся к нашему поколению, поколению Z, свидетелю заката индустриальной и становления информационной цивилизации. Нам «свезло» родиться во времена глобализации и постмодерна. Посчастливилось воочию сравнить цифровой мир и мир без него, стать невольными свидетелями (и не соучастниками ли?) гибели рационально-упорядоченной культуры модерна и рождения постмодерна, мира без привилегированных центров перспективы и ценностей, реальности, в которой все равнозначно и приемлемо.

То, что для предыдущих поколений (поколений Y, X), а если выражаться проще, наших мам и пап было диковинными штуками, технологиями будущего, для нас, «Z-умеров», — абсолютно нормальное, обыденное и, возможно, даже приевшееся настоящее. К примеру, с помощью смартфона, который можно носить с собой в кармане, можно звонить в любую точку мира абсолютно бесплатно и к тому же видеть собеседника. Помимо технических, чудеса иного рода стали обыденностью: два парня, гуляющих по парку за ручку; девушки, выбирающие друг другу подарки на годовщину. Наши декорации — «симулякр» и симуляции [1], образы без реальности, вместо реальности, ставшие нашей действительностью. Сюрреализм. Сон. Обычно столь радикальные смены мирозданий — предмет философских, политико-экономических и научно-технологических штудий. Мы же для понимания происходящего обратимся к более тонкому инструменту отражения намерений истории — искусству, свидетелю еще не бывшего.

Кем была «богема» первой половины XX столетия: критиками прошлого или провидцами будущего, ставшего нашими буднями? Рене Магритт и Сальвадор Дали, Гийом Аполлинер и Жак Превер и другие создавали новую реальность или, как выражались они сами, «над-реальность», исходя исключительно из своих убеждений, снов, детских страхов или сексуальных желаний. Создавали как ответ, как крик, как вызов тому миру, в котором оказались, перед которым

предстали, словно те храбрые воины, погибшие в Первой мировой войне и своей смертью давшие начало дадаизму, а после и сюрреализму. Голодали, употребляли алкоголь и наркотики, дабы достичь, как им казалось, самых дальних глубин и самых темных уголков своего подсознания. Создавали методы, изобретали теории, провозглашали способы ухода от реальности во имя сновидений и фантазий. Им было тесно в этом мире. Они работали, не оглядываясь на рациональность и эстетику XIX столетия. Но фантазмагоричность не была их главной целью, за хаотичностью образов все чаще скрывался глубокий смысл, позволявший сюрреальности быть не просто самоцелью, а продуманным способом высказывания мнений и идей, пытающимся разорвать приевшиеся, повседневные и обыденные представления буржуазного мирка.

Но годы шли, и за тенью фантазмагии все чаще скрывался не глубокий смысл, не метод проявления идей, протеста, а способ хорошенько подзаработать разного рода бездарям на таких же «недалеких», но состоявшихся в жизни персонах, заявляя, что в их «белиберде» и каракулях все так же скрывается какой-то замысел, чувство, эмоция (в знаменитом французском фильме «1+1» это хорошо показано).

Все табуированные темы вроде смерти, секса и т. п. вышли на первый план, а все духовное, душевное, романтическое и прекрасное исчезло, словно и не бывало этой лепнины на домах, кружевных одеяний, изысканных ритуалов и приветствий, балов. Нет. Игра слов в прошлом. На ее место пришла новая реальность — конкретная, четкая и точная. Каждое слово понимается так, как и должно, без метафор и аллегорий.

«Совершенно белые мужчина и женщина» (А. Бретон, 1932 г.)

Я вижу волшебных проституток, укрывшихся под зонтами,

Их платья древесным цветом слегка поджелтил фонарь.

Они гуляют, а рядом свисают лохмотья обоев.

Сердце щемит, как посмотришь на этот полуразрушенный дом,

На беломраморную раковину, слетевшую с каминной доски,

На смутные вереницы вещей в зеркалах, вставших за ними.

Кварталом, где бродят они, овладевает

Великий инстинкт сгоранья.

«Стихотворение» (Б. Нотт)

Когда ты умрешь, Наоми,

твои волосы станут зверьком

пушистым и безымянным.

«Гуд бай» (Б. Нотт)

Если ты еще не умер, читая

эти строки, закрой глаза и увидишь,

как я чернею под веками.

Вот что видели очевидцы будущего, вот то, чего хотели, о чем думали и о чем пытались рассказать нам. Можно продолжать сопротивляться и говорить себе, будто это все там, где-то далеко. Это все «гейропа» и «тупые америкосы», Сальвадор Дали с его «Садомским самоудовлетворением невинной девы», не у нас, нет, нет. Мы же не дикари, правда? Нам чуждо все это, нас не коснулось? Однако...

«Адище города» (В. Маяковский, 1913)

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светами адки.
Рыжие дьяволы, вздымались автомобили,
над самым ухом взрывая гудки.

А там, под вывеской, где сельди из Керчи —
сбитый старикашка шарил очки
и заплакал, когда в вечеряющем смерче
трамвай с разбега взметнул зрачки.

В дырах небоскребов, где горела руда
и железо поездов громоздило лаз —
крикнул аэроплан и упал туда,
где у раненого солнца вытекал глаз.

И тогда уже — скомкав фонарей одеяла —
ночь излюбилась, похабна и пьяна,
а за солнцами улиц где-то ковыляла
никому не нужная, дряблая луна.

Мы живем в мире без чувств... Ощущение такое, будто единственное, что осталось, — это инстинкты. Настоящие, животные инстинкты, пронизывающие нас вдоль и поперек и затмевающие все, что когда-то было так трудно добыть. Мы не пишем стихи, не поем серенады под балконами. Прогулки по паркам, театрам, набережным, беседы о чем-то прекрасном, цветы, комплименты, танцы, трепетания перед возлюбленной ушли в небытие. Словно белая пелена... Мы словно не в себе... Это все не правда! Это нереально! Я сплю. Нет... Я не сплю... Не сплю и... И все, что окружает меня, — это правда. Все, что я вижу, — это правда. Да и так все болит без щипков и пощечин... Запах заводов вместо нашатыря, шум пыхтящих и бегающих за окном «железяк» вместо будильника. И хотя мы на распутье, едва ли в образах XIX века мы узнаем сами себя, на это могли повестись еще наши родители.

«Парус» (Ю. М. Лермонтов)
Белеет парус одинокий,
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Про что это он? Под радужными парусами мы в неведении не только о далеких и покинутых краях, но и о том, кто перед нами (да и кто сами-то мы), кто или что скрывается под личиной того или другого человека. (Танец «маленьких», но волосатых лебедей на сцене сегодня не столь однозначен как в недалеком прошлом.) Все слилось в одно целое, и не существует не только границ между разумным и безумным, реальным и воображаемым, но и никаких намеков на их былое существование. Мы словно в мире Сальвадора Дали, в мире, который сюрреалистам начала XX века мог лишь привидиться.

Так «свезло» ли нам, нашему поколению, оказавшись на изломе эпох, прикоснуться к пророчествам богемы начал XX века, к сверхреальности? Если взять техническую сторону, то, несомненно, инфосфера как среда обитания современного человека предпочтительнее способа жизни человека цивилизации фабричных труб. Это небо и земля по условиям жизни и возможностям. Не столь однозначна вторая, обратная сторона перемен, обернувшаяся катастрофой для ценностей наших отцов. Можно делать вид, что нас это не коснулось, клясться прежним заветам или с пеной у рта клеймить чуждые нам ценности. Но вот парадокс, топтать чужие знамена, значит утверждать их реальность в инфосфере!

1. Бодрийяр, Ж. Симулякр и симуляция [Электронный ресурс]. URL: <http://existencia.livejournal.com/> (дата обращения: 11.03.2020). [Вернуться к статье](#)